*С.Ф. Идрисова*

# ПРЕСТУПНОСТЬ ВЫСШИХ СТРАТ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АНОМИИ
## (К постановке проблемы)

При анализе социальной сущности и причин преступности наиболее часты попытки искать ее социологическое объяснение в общем состоянии социальной системы, которая образует конкретное общество. В таком контексте девиантное поведение в целом и преступность как ее крайнее антиобщественное проявление предстают чем-то похожим на общее качество социальной системы – на эпидемию, которая хотя и в разной степени, но последовательно захватывает все основные социальные страты данного общества. Сколько-нибудь существенные различия в уровне, характере, интенсивности преступных проявлений в этом случае усматривают в качествах самой социальной целостности: в различиях между богатыми и бедными обществами, между обществами стабильными и обществами, находящимися в состоянии системной трансформации, наконец, в различиях типов культуры, присущих этим обществам.

Такой подход, несомненно, убедителен и – главное – опирается на весьма солидную научную традицию. Более того, он вполне согласуется с тем, как трактовал источник «анормальных», «отклоняющихся» форм социальности Эмиль Дюркгейм в разработанной им теории аномии[1]. В самом деле, Дюркгейм стремился вскрыть глубинные и универсальные по своим проявлениям социальные механизмы возникновения аномических состояний на уровне воспроизводящей общество целостной социальной системы. Иначе говоря, в контексте функционалистской теории общества преступность (как и другие формы отклоняющегося социального поведения) должна была рассматриваться скорее с точки зрения порождающих ее общих социальных условий и механизмов, чем с позиции произвольных, не детерминируемых социальными структурами индивидуально-личностных отклонений в поведении. Неслучайно позднейшая критика видела слабость, присущую теории Дюркгейма, именно в чрезмерном социологизме, в устранении из анализа состояния аномии индивидуальной психологической составляющей.

[1] Впервые термин «аномия» был использован в 1884 г. в работе Ж.-М. Гюйо «Очерк о морали без санкций и обязательств». См.: *Ферреоль Ж.* Социология: Терминологический словарь. 2-е изд. СПб., 2003. С. 7.

Если попытаться резюмировать основные выводы из теории аномии Дюркгейма, то феномен преступности помещается им в крайней позиции аномических проявлений: это, как и все другие проявления аномии, – следствие дифференциации и специализации человеческой деятельности. Однако такое положение, строго говоря, лишено функциональности (а потому, по сути, паразитарно), поскольку не может быть вписано в общественную систему разделения труда как систему социальной солидарности и поддержания общей жизни[1]. Между тем одна из фундаментальных и естественных причин аномии – растущая с прогрессом общества специализация социальных функций, ведущая к нарастающей самоизоляции индивида, к утрате им чувства солидарности с конкретной социальной группой, а, следовательно, и стандартов общественно приемлемого поведения. Заметим, что в такой постановке грань между глубинными социальными процессами, порождающими преступность, и генезисом других форм отклоняющегося поведения довольно размыта. И здесь, и там в основе лежит такое неизбежно сопровождающее чрезмерную специализацию рассогласование функций, которое порождает гипертрофированное «развитие духа частностей» (по выражению О. Конта)*, утрату индивидом представления об «общем деле» и, наконец, как можно предположить, утрату ощущения значимости тех социальным норм и предписаний, которыми регулируется жизнь общества.

Вторая, не менее существенная, причина аномического состояния общества, по Дюркгейму, – неизбежное в условиях индустриализма устранение замкнутости «сегментарных обществ» и увеличение масштабов общественного воспроизводства вплоть до глобального уровня. В таком чрезмерно разросшемся обществе «организованного типа» удовлетворение социальных потребностей теряет характер непосредственной связи производителя и потребителя (своего рода ощущение границ и целей) и подчиняется стихийному распределительному механизму рынка, в силу чего любые стандартизированные социальные функции (прежде всего, производственные), осуществляемые конкретным лицом, теряют четкую адресность и меру, как бы обрываются в пустоту анонимности[2]. Здесь так же, как и в предыдущем случае, уместно провести аналогию между дюркгеймовой квалификацией преступности как бесфункциональной (т. е. в лучшем случае бесполезной для общества, в худшем – открыто ан-

[1] См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996. С. 361–362.

* Примечательно, что в трактовке аномии как общественного состояния Э. Дюркгейм в существенной степени опирается на выводы, содержащиеся в «Курсе позитивной философии» О. Конта.

[2] См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. С. 378–379.

тиобщественной), паразитарной деятельности и механической, теряющей конкретные ориентиры работой на абстрактное «общество», функциональная полезность которой для самого индивида постоянно становится предметом сомнений. Последний случай еще ярче выражен в тех ситуациях, когда в силу недостатка координации распределение функций в обществе, вернее, их пролиферация, не опирается на их достаточное содержательное наполнение, следствием чего опять-таки становится социальный паразитизм. (Классическим примером этого могло бы служить такое расширенное «самовоспроизводство» государственной бюрократии, которое, как показывает масса исторических примеров, вместо упорядоченности создает в управлении ситуацию анархии.)

Наконец, третью важнейшую составляющую аномии Дюркгейм связывает с такой характерной чертой буржуазного общества, как его социальная открытость, бессословность и сравнительно развитый демократизм. Культивируя одинаковые для всех своих членов цели, ценности и символы индивидуального успеха, буржуазное общество через конституирующие его принципы экономической и политической свободы снимает те жесткие институциональные перегородки между социальными группами, которые отличали кастово-сословные общества «сегментарного типа», и постепенно воссоздает принципиальное сходство функциональных способностей и притязаний между высшими и низшими классами, а значит, и гораздо более выраженное стремление последних к изменению своего социального положения, т. е. к «вертикальной» социальной мобильности. В результате этого прогрессирующего равенства возможностей в обществе гораздо острее проявляют себя конфликты вокруг распределения социальных функций и связанных с ними социальных благ (богатство, власть, престиж и т. п.). Идеал соответствия между способностями и социальным положением индивида, который, по Дюркгейму, должен достигаться в процессе честной конкуренции и восстанавливать органическую солидарность, в реальности (главным образом, в силу недостижимости последней) принимает форму множества групповых и индивидуальных отклонений от правила, на шкале которых можно поместить и проявления классовой борьбы разной степени радикализма, и различные случаи социальной патологии, включая преступность[1]. (Границы между моральностью первых и аморальностью вторых, как показывает опыт истории, также весьма размыты: достаточно вспомнить «специализацию» ряда деятелей большевистской партии на экспроприации.) Рассматривая возможность конструктивного разрешения подобных социальных конфликтов,

[1] См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. С. 382–389.

Дюркгейм акцентирует внимание на двух случаях, когда эти конфликты, радикально отрицая легитимность существующего порядка вещей, принимают «болезненные», а часто неуправляемые формы. Это, во-первых, наличие в любом обществе людей, «желания которых всегда превышают их способности» (что создает почву для противоправных действий), во-вторых, «принудительное» поддержание существующего разделения труда, которое в сложноорганизованном обществе может осуществляться только институциональным насилием (что в качестве ответа неизбежно порождает радикальные формы классовой борьбы).

Дюркгейм убедительно доказал, что социально-типические проявления аномии (включая определенные виды преступлений) являются неизбежным следствием прогрессивного усложнения общества, своего рода оборотной стороной социального прогресса. Нарастающая сложность развития не может не порождать, наряду с прогрессивными, патологических форм разделения труда, а с ними – ослабления духа сотрудничества и все более частого рассогласования социальных функций. В свою очередь, всякая попытка разрешить эту проблему путем усиления юридической регламентации социальных взаимодействий относительна и недейственна, поскольку сковывает дальнейшее развитие общества, убивает свободу как важнейший источник социального динамизма. Ни один юридический договор, фиксирующий норму социальных отношений, не способен содержательно удержать в себе их реальную жизненную сложность. Этот вывод классика социологии актуален и сегодня: никакое «наведение порядка» не способно привести к оздоровлению общества (не тормозя его развития), если только в самом социальном организме путем самопроизвольной внутренней работы или рассчитанного политического толчка не свершатся глубинные структурные изменения в направлении большей гармонии и справедливости.

Важной заслугой Дюркгейма является попытка выделить наиболее типичные проявления аномии и наметить градации их интенсивности – от относительно «мягких», всецело замыкающихся во внутреннем мире личности, до откровенно патологических, антиобщественных форм внешней активности. Еще важнее то, что за характеристикой общества, погруженного в аномию, у Дюркгейма просматриваются эвристически ценные подходы к более или менее четкой социальной атрибуции аномических проявлений: одни из них затрагивают преимущественно класс имущих (кризисы перепроизводства, разорения, банкротства и т. п.), коренятся в самом духе коммерции с типичными для нее рисками, неудачами, превратностями обстоятельств, взрывами желаний и страстей, неопределенностью целей и ценностей, другие – низшие классы (угнетающая

дисциплина, «машинизация» функций, депривация, нервное истощение, ощущение отчужденности и несправедливости жизни как психологические проявления, сопровождающие антагонизм труда и капитала). В подборе и описании таких конкретных примеров Дюркгейм вполне психологичен, однако эти психологические зарисовки не теряют своих социологических ориентиров.

Однако попытки излишне психологизировать понятие аномии и придать ему тем самым бóльшую определенность и инструментальность вполне понятны как реакция на его исходную неоднозначность и противоречивость, но, по существу, лишают его социологического содержания и смысла, поскольку фокусируют анализ исключительно на внутренних переживаниях личности. Последняя же вне анализа социальной обусловленности ее поведения принимает довольно абстрактный облик.

В качестве примера рассмотрим «шкалу» проявлений аномии, предложенную в 1951 г. американским социологом Лео Сроулом. В ее основе – характер и интенсивность психологических состояний личности:

1) я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам;

2) в обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться;

3) шанс достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше;

4) что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит даром;

5) я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения[1].

Очевидно, что эта шкала проявлений аномии, несмотря на свою абстрактность, выстроена с ориентацией на нисходящую психологическую динамику (социальная депривация, смирение, фатализм и т. п.), а следовательно, на те проявления аномии, которые типичны скорее для социальных низов. Если исходить из всеобщего характера проявления аномии как определенного состояния общества, то закономерен вопрос: в какой степени эта шкала ее измерений релевантна по отношению к высшим стратам общества, к его элите. Большинство перечисленных позиций в строгом виде не находят такого соответствия. Между тем анализ Дюркгейма убеждает в том, что аномические проявления присущи и представителям высших страт общества, но принимают в их среде совершенно иные формы

[1] Цит. по: *Фрумкина Н.М.* Внутри истории. Эссе, статьи, мемуарные очерки. М., 2002. С. 21.

и иной (в чем-то даже полностью противоположный) психологический рисунок. Даже в первом приближении можно предполагать, что, скажем, типичные для высших страт общества виды преступности (как проявления аномии) будут существенно отличаться по основным социологическим и социально-психологическим признакам от преступных деяний, в массе своей характерных для социальных низов.

В известной мере ответ на вопросы, закономерно возникающие при анализе творчества Э. Дюркгейма, содержится в концепции аномии известного американского социолога Р. Мертона, который акцентировал внимание именно на социально обусловленной дифференциации аномических состояний. Согласно его концепции, имманентно присущий развитию общества разрыв между терминальными и институциональными ценностями – конкретно: между поощряемыми обществом культурными целями и институционально запрещенными способами их достижения – неизбежно требует от индивида той или иной формы адаптации к данной ситуации. Подход, основанный на социальной типизации различий в формах такой адаптации, позволил Мертону выделить, среди прочих, «инновационную» форму приспособления, состоящую в использовании «институционально запрещенных, но часто эффективных средств достижения хотя бы подобия успеха – богатства и власти». На уровне общих индивидуально-психологических предпосылок эта форма адаптации возникает как следствие разрыва между усвоением и чрезмерным эмоциональным акцентированием «культурной цели» (жизненный успех), с одной стороны, и отстающим осознанием тех институционально допустимых (легальных) норм, которые регулируют пути и средства их достижения, – с другой. Мертон отмечает, что возникающая как форма разрешения этого противоречия готовность индивида идти на риск нарушения закона ради достижения цели может явно или латентно приниматься членами всех социальных групп общества, однако, при этом существенное значение имеет фактор социальной структуры, который предопределяет связь конкретных форм девиантного поведения и частоты их проявления с принадлежностью индивида к определенной социальной группе[1].

Безусловно, Мертон, вслед за другими исследователями, полагал, что с наибольшей очевидностью в ходе социологического анализа обнаруживается связь девиантного поведения с особенностями положения низших социальных страт, прежде всего, с недоступностью для подавляющего большинства их представителей законных

[1] См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 256–257.

средств достижения успеха. Вместе с тем социолог подчеркивал, что основной фактор распространения преступности в низших социальных стратах заключается все-таки не в бедности как таковой, но в определенном «культурном акценте» – в нарушении равновесия между определяющими массовое поведение культурными детерминантами. С одной стороны, стигматизация ручного, неквалифицированного, рутинного (и, как следствие, низкооплачиваемого) труда, превращающая бедность в объект общественного презрения, а, с другой – широчайшее культивирование в обществе одномерно выраженной символической цели индивидуального успеха (богатство) как перспективы, открытой для каждого члена общества (пресловутая «американская мечта»), создают при наложении сильнейшую тенденцию к девиантному поведению как социально типичной реакции низших страт на свое положение в обществе. Заложенный в идее «успеха для всех» эгалитарный подтекст при этом резко контрастирует с так называемой доктриной удачи, которая призвана на уровне массового сознания объяснять, почему заслуги и усилия в большинстве случаев не обнаруживают корреляции с достижением вожделенной цели. В конечном итоге, в обществе создается деструктивная констелляция символических культурных ценностей, которая с неизбежностью подводит к восприятию преступных способов достижения успеха как вполне «нормальных», квази-легальных.

Обусловленный социальной структурой общества референциальный характер моделей общественного и группового поведения позволяет предполагать, что деструктивный эффект, заложенный в системе господствующих культурных ценностей, приобретает свои характерные аномические проекции и в высших стратах общества. Уделяя главное внимание анализу типичной для аномических состояний общественной и моральной атмосферы, Мертон, однако, лишь пунктиром намечает возможные линии объяснения распространенности девиантного поведения среди представителей элитарных групп общества. Попытаемся в этой связи, отталкиваясь от мертоновского анализа, выявить наиболее важные факторы элитарной преступности как совокупности девиантных проявлений, типичных для высших страт общества.

Это, во-первых, все тот же «перекос» в системе культурных ценностей, при котором предельно завышенная общественная оценка достигнутой цели (богатство, власть) a posteriori* отодвигает на задний план вопрос о средствах ее достижения. Мертон акцентировал внимание на том, что критерий эффективности в оценке деловых

* A posterriori – из последующего; происходящее из опыта *(лат.). – Примеч. ред.*

практик зачастую играет роль универсальной «индульгенции» даже в тех случаях, когда последние сопряжены с нарушениями закона. Эффективность, с которой была достигнута цель, по существу, стирает грань между практичностью, ловкостью, предприимчивостью, с одной стороны, и безнравственными, незаконными практиками – с другой. Добавим, что в ситуации несовершенного правового регулирования экономической деятельности, при наличии множества как законодательных «лазеек», так и осложняющих функционирование бизнеса бюрократических препон, разного рода неэтичные деловые практики и даже решимость добиваться поставленных целей вопреки закону нередко приобретают в глазах общества героизированный ореол настоящего «предпринимательства».

Во-вторых, это своеобразная психологическая «раздвоенность» сознания общества, которое склонно на абстрактном уровне осуждать преступления высокопоставленных лиц как «общественное зло», но в лице большинства своих членов проявляет снисходительно-терпимое и даже комплиментарное отношение к репрезентантам этого «зла» в разнообразных контактах частного, межличностного уровня*. По существу, исходная принадлежность к «приличному» обществу оказывается более весомым фактором общественной репутации, чем стигматизация, связанная с совершением противоправных деяний, и она в каком-то смысле бросает облагораживающий отсвет даже на тех его членов, которые запятнали себя перед лицом закона. Это придает возмущению общества преступными проявлениями довольно неорганизованный, «размытый» характер и, по сути, свидетельствует о том, что само оно в отношении моральных ценностей, выбора между разрешенными и запрещенными способами достижения целей пребывает в сильнейшем состоянии фрустрации.

В-третьих, снисходительное отношение общества к проявлениям элитарной преступности отчасти объясняется тем, что, в отличие от массовых проявлений преступного насилия, угрожающих жизни и имуществу каждого его отдельно взятого члена, она в аспекте виктимизации чаще всего предстает анонимной, «безадресной». Объектом ее посягательств, как правило, становится общество в целом (его ресурсы, имущество, прерогативы и т. д.), а следовательно, в глазах каждого отдельного члена общества – никто конкретный. Поэтому зачастую насилие над личностью и посягательство на личное имущество являются в глазах общества более опасными и заслуживающими жестокого наказания деяниями, чем, например, крупные

* Для развернутой характеристики этого явления Р. Мертон использует обширную выдержку из «Американских записок» Ч. Диккенса.

коррупционные преступления, направленные против общества и государства в целом. Мертон особо указывает на должностные преступления[1], которые весьма снисходительно воспринимаются обществом и нечасто становятся достоянием гласности именно в силу отсутствия того четко персонифицированного общественного агента, который бы расценивал эти преступления как посягательство на свои интересы. Так в сознании общества подспудно проводится граница между преступностью «респектабельной», «интеллигентной» (по существу, никого персонально не задевающей) и массовой преступностью социального «дна», которая несет угрозу всем и каждому. Не секрет, что реакция массового сознания на судебные приговоры, выносимые по делам, связанным с коррупцией, весьма специфична: очень часто его питает скорее чувство завистливого злорадства в отношении коррупционера, чем осознание реальной общественной опасности самой коррупции. Что же касается подобных же преступлений более мелкого масштаба, характерных для представителей образованного среднего класса, то они на субъективном уровне часто вообще не расцениваются как преступные деяния[2].

В-четвертых, нередко именно респектабельный «статус бизнесмена» (по Мертону), наличие широких и разносторонних контактов в среде элиты обеспечивает лицам, совершившим определенного рода преступные деяния, гораздо бóльшие возможности ухода от наказания, чем это бывает в обычных случаях. Более того, можно предвидеть, что защищенность «круговой порукой», неподсудность институтам обычной юрисдикции становятся признаком принадлежности к «избранному» обществу – таким же, например, как престижное потребление или соответствующий стиль жизни. Определенные формы девиантного поведения, в частности, демонстрирующие безудержный гедонизм, приверженность пороку и наживе, несущие на себе печать эгоцентричного презрения к реальности, вообще становятся способом самоутверждения представителей элиты, «тестом» на принадлежность к ней. Как возможность обладать тем, чего не могут иметь другие, – это только один из тех специфических способов, которым, по Мертону, высшие страты дистанцируются от остального общества[3], так и негативная «трансгрессия» – возможность безнаказанно совершать то, за что другие подвергаются наказанию, или умение «технологично» решить проблему ухода от наказания –

[1] См.: *Мертон Р.* Указ. соч. С. 260.

[2] Об этом, в частности, говорят результаты социологического исследования Университета Киля (Великобритания), посвященного проблеме «беловоротничковой» преступности // Эксперт. 2003. № 35. С. 4.

[3] См.: *Мертон Р.* Указ. соч. С. 258.

становится сопоставимым с ним способом воспроизводства элитарной субкультуры.

Разработанные классиками социологии подходы к анализу феномена аномии, на наш взгляд, обладают значительным эвристическим потенциалом, прежде всего, в оценке влияния социальной структуры общества на факторы, условия и формы распространения преступности как крайнего выражения отклоняющегося поведения. Теория аномии удачно сочетает целостный, системный взгляд на причины кризиса и распада нормативной системы, регулирующей социальные взаимодействия в обществе, и анализ индивидуально-групповых стратегий разрешения социальных коллизий, порождаемых нарастающим конфликтом ценностей. За счет сокращения разрыва между объяснениями социальных действий на уровне структурных факторов и на уровне индивидуально-групповых мотиваций теория аномии способна сообщать нашим представлениям об обществе (не только пребывающем в кризисе, но и «нормальном») бóльшую глубину и реалистичность. Тем самым открывается перспектива углубленных исследований преступности сквозь призму ее социальной дифференциации и соответствующей типологизации ее форм. Метод, использованный Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном, убедительно свидетельствует в пользу такого подхода, особенно в части исследований столь малоизученного сегмента социальных девиаций, как преступность высших страт общества.